

Самозванцы (рассказ)

Рисунок Горбачева М.Г.

1

Глава 1. Бросов

В тот страшный день Иван Петрович вернулся позже обычного, потому что случился очередной матч. Друзья позвали – и он, конечно, не смог отказаться. Уже на пороге родной пятиэтажки странное чувство охватило Бросова: подъезд показался ему неуютным и даже не совсем знакомым. Списав все на лишнюю рюмку, которой он «злоупотребил», по любимому выражению бросовской жены, после матча, Иван Петрович поднялся на третий этаж. Пытаясь попасть ключом в замочную скважину (на лестничной площадке в очередной раз перегорела лампочка) и поминутно чертыхаясь, он все никак не мог справиться с замком. Когда наконец тот поддался, он с шумом ввалился в коридор, сбросил с себя куртку, стянул шапку и пошел в ванну мыть руки. Смывая мыльную пену с ладоней, он снова почувствовал неладное. «А Варя-то чего?». Обычно жена к этому времени уже гремела на кухне и готовилась произнести что-то вроде сакраментального: «Опять нажрался?!».

За пределами ванны царил полнейшая тишина. И тут только Бросов обратил внимание на необычный запах мыла: приторно-нежный аромат

---

¹ Впервые опубликовано на сайте: <http://www.voloshin-fest.ru> - в рамках конкурса «Волошинский сентябрь».

винограда, который источали в ту минуту натруженные руки Петровича, явно не относился к привычной реальности его квартиры.

– Подарил, что ль, кто? – пробормотал он и, наполовину протрезвев, приоткрыл дверь ванны. Высунув голову, Иван Петрович начал оглядываться по сторонам. Потратив почти минуту на это престранное занятие, Бросов вышел из ванны и робко произнес: «Варька? Варюничик?». Ответа не последовало, но в темноте зала за закрытой дверью что-то произошло. Кто-то большой и, кажется, тяжелый завозился, вздохнул и снова затих. Бросов совсем перетрусил, и от испуга голова его в мгновение ока пришла в такую необычайную ясность, что он сразу понял: ни подъезд, ни дверь, ни ванна, ни этот дурацкий коридор с обоями ядовито-изумрудного цвета к его квартире, к его родному «гнездышку», обжитому, уютному, где каждый уголок, пылинка-паутинка знакомы и изведаны, не имели никакого отношения.

– По пьяни всё, по пьяни это всё! – говорил он, торопливо пытаясь попасть руками в рукава своей потертой на локтях куртки. Он уже успел вообразить, как его «застукают» в чужой квартире хозяева или соседи, вызовут милицию-полицию и как будут судачить об этом... Куртка все-таки поддалась, он схватил сумку, шапку и начал, было, отворять замок... И – снова оторопел. Да замок-то его! Он же сам его вкручивал и как раз сорвал резьбу у левого верхнего болта.

– Что же это? Неужто «белочка»? – и в тот момент бледный Иван Петрович прямо у знакомо-незнакомой двери поклялся самому себе никогда более не пить после матча. Он не успел еще завершить текст мысленной клятвы, как дверь зала мягко и бесшумно приоткрылась и оттуда высунулась изумленная девичья головка.

– Папа? – недоверчиво окликнул его девичий голос. И тут Бросов с громадным облегчением понял, что перед ним стоит всего лишь его дочь тринадцати лет отроду. Он улыбнулся и со вздохом опустился на стул, стоявший в коридоре.

– Ладка, ты бы знала, чё мне сейчас почудилось!

Девочка открыла дверь полностью и вышла к нему в ночной кружевной сорочке. Бросов вновь ощутил безотчетную тревогу.

– Ты чегой-то как... Обрядилась-то?

Девочка молча всматривалась в Бросова, словно удивляясь чему-то.

– А мама... Мама не с тобой? Как спектакль? – произнесла она с каким-то усилием, все продолжая рассматривать Бросова, будто бы его внешность интересовала ее гораздо больше, чем его ответ.

– Спектакль? Ладка, да вы че все тут? Чего вы с коридором-то натворили, пока меня не было? Когда только успели наляпать! – он пальцем нажал на бархатную поверхность дорогих обоев, оставив на стене постепенно зарастающий след.

Девочка помолчала, а затем подошла к нему совсем близко.

– Папа, – сказала она просто и спокойно, – это ты?

И Бросов в ту самую секунду понял, что эта девочка – совсем не его Лада. По-чужому смотрели ее добрые, слишком добрые глаза, длинные

волосы были совсем не по-бросовки уложены. Тысячи мелочей в ней были не те и не такие, какие должны были быть. А тут еще... Тут еще за спиной у девочки появилось совсем невообразимое – нечто огромное, черное и лохматое принялось медленно надвигаться на бедного Бросова.

Вжавшись в стул и не смея пошевелиться, Петрович почувствовал, что его штаны и руки обнюхиваются монстром.

– Пап, ты что? – девочка гладила большого черного пса, который уселся почти у самых ног гостя.

Все окончательно смешалось в голове Ивана Петровича, и он плачущим голосом завопил:

– Ладка, кончай! Где мамка? Хватит мне голову морочить! – услышав звук собственного срывающегося голоса, он приободрился и, разозлившись, оттолкнул голову собаки, настойчиво кладущуюся ему на колени. – И пса нашли где-то! Издеваетесь, сволочи?

Девочка испуганно отшатнулась, собака настороженно встала и заворчала в сторону пришлеца.

Бросов снова оробел. Девочка была уже в зале и принялась понемногу закрывать дверь.

– Ладк, стой, Ладк, – просительно позвал он испуганную дочку. – Ты не уходи, ты мне только скажи, мамка где? Позови ее, мне хре... – он еще раз взглянул на ее кружевную сорочку и, поперхнувшись, закончил. – Плохо мне, слышишь?

– Я сейчас ей позвоню! Стенли, ко мне! – Лада увела пса в зал и закрыла дверь за собой. Через несколько секунд Бросов услышал, как она разговаривает по телефону.

– Стенли?.. Блин! Я же говорил: не надо было брать левой водки. А они: все проверено, все ништяк, – он не знал, что делать и куда идти. Обычно в затруднительных случаях он всегда шел домой, но дом был здесь – он точно знал, что ошибиться не мог: бывало время, когда Бросов «на автомате» добредал до дома и не в таком состоянии. А тут – почти трезвый.

Затем он услышал, как девочка, разговаривавшая по телефону, забавно ойкнула и затихла. Прошло еще несколько томительных мгновений, а затем к двери в зал с той стороны что-то подкатили, видимо, кресло.

– Мама уже вызвала полицию! – вдруг заявил из-за двери плачущий девичий голос. – Если вы попробуйте зайти сюда, я натравлю на вас Стенли. Уходите, забирайте в коридоре чего хотите и убирайтесь отсюда!.. Так мама вам велела сказать, они с папой уже едут!

Девочка помолчала еще немного и добавила:

– Папа вас побьет. Вот.

В помутневшей голове Бросова снова замелькали страшные картины, он прохрипел что-то в ответ и, открыв входную дверь, бросился вниз по подъездной лестнице. Объяснить себе что-то он не пытался, мысли вертелись все какие-то несуразные и не относящиеся к делу.

То он думал о том, что хорошо бы продать эту отремонтированную квартиру, откуда только что так позорно бежал, и купить другую, в другом

районе – желательно без Стенли. То он снова ощущал запах виноградного мыла и почему-то хотелось плакать. Наконец, он решил зайти в забегаловку на остановке около завода, а затем позвонить Володьке – своему давнишнему другу и собутыльнику, который много раз выручал его и деньгами, и, если надо, давал возможность отоспаться у себя на квартире: Володька был военный пенсионер и жил один.

Однако как назло ни сотовый, ни домашний его друга не отвечали, и Петровичу пришлось одному идти в пивнушку. Денег у него почти не осталось, но он надеялся, что сегодня смена у Васи, а последний, как известно, всегда наливает в долг.

К огорчению Бросова, вместо Васи торговала какая-то семипудовая купчиха, один вид которой нерушимо свидетельствовал о том, что Петрович уйдет не опохмелившись. Уже совсем стемнело, когда Бросов добрался до Володьки, долго барабанил в его дверь, пока из соседней квартиры обладатель весьма выдающегося баса не высказал все, что он думает о громких стуках и предках Петровича. Он же сообщил ошарашенному Бросову, что никакого «Володьки тут нет».

– Жил тут один Владимир, кажется, Николаич по батюшке, бывший военный. Так он съехал лет пять назад. Вот. И вы тоже шли бы отсюда! – бас добавил еще нечто малоприятное и затих. Бросов тут же сообразил, что Володька никуда не съезжал – скорее всего, таким манером его просто хотят отучить ходить сюда. Тем не менее он послушно спустился и побрел по вечерней улице вдоль светящихся окон домов.

– А может, это все мне прибрелось? Вот сейчас уже темно, холодно, а я совсем-совсем трезвый и злой, и хочу к себе домой. И я пойду к себе домой, где я живу уже лет двадцать и где всякая собака знает меня и помнит. Кто же мне сможет помешать-то? – после столь смелых размышлений повеселевший Бросов почти бегом направился к своему дому.

Он внимательно вглядывался в каждое дерево и каждый киоск, попадающиеся ему навстречу, подробно рассмотрел потертую табличку с адресом на родном доме и только после всех этих подготовительных маневров двинулся в сторону своего подъезда. Он с тяжелым сердцем поднялся на третий этаж; на площадке уже горела ярким желтым светом, вероятно, совсем недавно вкрученная лампочка. Петрович посмотрев на входную дверь, понял, что дверь точно его, но... и не его вроде. Было что-то неуловимо чужое в ней: то ли мало было на ней потертостей, то ли не было внизу с левой стороны следов от его ботинок (будучи навеселе и без ключей он не раз пытался ворваться домой). Она и манила, и отталкивала Бросова, как старого грешника – райские врата. Сначала он решил снова уйти, да только куда ж тут подашься? Он, было, достал ключи, но затем, вспомнив о Стенли, решил позвонить в дверной звонок и тут только с изумлением увидел, что дверной звонок действительно имелся, тогда как он сам его несколько лет назад вырвал с корнем – опять же в известном состоянии.

Он колебался минут десять, пока наконец не услышал чьи-то шаги сверху, на пятом этаже. Тогда он, подзадоривая себя и ругаясь: «Моя это

квартира!» – осатанело воткнул указательным пальцем в кнопку звонка. Раздался оглушительный «дин-дон» и, к ужасу Бросова, в ответ залаял Стенли. Через несколько секунд дверь распахнулась и... обомлевший Петрович увидел женщину средних лет – подтянутую, еще не потерявшую свежести, в красивом зеленом халатике. Несмотря на множество несовпадений, Бросов тотчас узнал свою супругу.

– Вам кого?.. Ах это вы!.. Это вы напугали мою дочь? Полиция только что уехала! Иван! – придерживая дверь, женщина кого-то звала на помощь. У Бросова пересохло горло, и он просто не понимал, что нужно сделать, чтобы все это прекратить. Послышались быстрые шаги, и на пороге появился мужчина – кто-то до боли знакомый Петровичу, кто-то почти родной и чужой.

– Это он и есть! – быстро и испуганно зашептала женщина. Мужчина, одетый также по-домашнему, худощавый и серьезный, быстро кивнул своей супруге, смело шагнул за порог и прикрыл за собой дверь. Они оказались лицом к лицу.

Другой Иван, чуть побледнев, внимательно рассматривал испитое лицо Бросова, и глаза его заметно расширились.

– Что вам надо? Как вы проникли в мою квартиру? Полиция уже все знает – мы подали заявление о попытке грабежа.

Петрович промычал что-то и продолжал пялиться на самозванца.

– Я. Это я тут живу... – наконец-то промямлил он. – И Ладка моя, и Верунчик. Ты – мой глюк. Тебя нету!

Решив, что произнесенного вполне достаточно, Петрович протянул вперед руку, чтобы убрать со своего пути человека, так мешавшего его законному счастью, но тут же в ответ получил прямой, мастерски поставленный удар в челюсть. Уже поднимаясь с лестницы, он услышал, как захлопнулась квартирная дверь. Прошло еще немного времени, дверь распахнулась и высунувшаяся оттуда сердитая голова самозванца произнесла: «От полиции вам на этот раз не уйти!». Дверь снова закрылась и слышались звуки голосов.

– Во влип! Расскажу кому – ведь не поверят! – Бросов вытер рукавом кровь с подбородка и побрел вниз по лестнице. Кажется, ему сегодня действительно придется провести ночь не у себя дома.

***

– Я – Бросов Иван. Спросите кого хотите в нашем дворе – все подтвердят. А паспорт у меня дома, где этот самозванец сидит. Губу мне разбил еще, сволочь! – Петрович, как заведенный, повторял на разные лады эту свою историю и уже порядком утомил полицейских.

– На него ничего нет. Будем свидетелей опрашивать, это уж в понедельник. А пока пусть посидит-подумает! – сказал, зевнув, один из обладателей погон.

– Это я чё: все воскресенье тут торчать буду? – Петрович даже задохнулся. – Да мне в понедельник в первую смену!

Но его уже не слушали, и поместили в изолятор. Там он и задремал, прислонившись к стене на жесткой кровати.

Глава 2. Другой Бросов

– Ты представляешь: какова наглость! Вернуться в квартиру, которую не смог ограбить, – всего через несколько часов! Я о таком еще никогда не слышала! – Бросов прислушивался к голосу жены, разговаривавшей со своей подругой по телефону. Сидя на кухне, он слегка массировал костяшки пальцев правой руки, которая недавно обрушилась на подбородок незнакомца. Иван Петрович не мог понять, почему этот дурацкий случай никак не идет у него из головы. Правда, он еще не знал, что грабитель пойман, но вовсе не страх перед ним заставлял Бросова всматриваться в темноту улицы.

– Послушай, Варь, ты не заметила какой-то странности в нем, – ну, в этом типчике?

– Странности? Он, кстати, здорово похож на тебя! И Лада сказала, что даже перепутала сначала его с тобой. – Бросов вздрогнул и почему-то поежился: он думал, что ему это сходство только почудилось. – Может, у тебя есть брат-близнец? – попыталась пошутить супруга, но неудачно: Бросов помолчал и пошел в ванну.

– Черт знает что! И чего я так разволновался? – Петрович решил принять душ и тем самым смыть с себя остатки неприятного воспоминания...

На следующее утро им позвонили из полиции и сообщили, что задержан подозреваемый в попытке ограбления, которого надо опознать.

Иван Петрович поморщился, но пообещал прийти в участок – сразу после работы. Работал он инженером на местном механическом заводе, – устроился туда сразу после университета лет двадцать назад.

***

– Вот так и пишите в заявлении: «Проник в квартиру, воспользовавшись отсутствием взрослых, угрожал дочери, пытался ограбить...» – в голосе полицейского слышалась привычная усталость от непонятливости посетителя. Немного помолчав, следователь взглянул в окно и снова заговорил.

– Личность его мы пока не установили, но он уверяет, что его зовут Бросов Иван Петрович, работает на механическом.

Бросов вздрогнул и слегка побледнел.

– Да-да, мы в курсе, что и вас так зовут, – поспешил успокоить его полицейский. – У него никаких документов не оказалось – за исключением этого.

Тут следователь выудил из лежащего на столе пакета сине-белый заводской пропуск и положил его перед Петровичем. Бросов машинально взял его в руки и через несколько секунд, словно обжегшись, вернул на

место. Это был его пропуск, выписанный на его имя, правда фотография была немного другой, – он никогда бы не стал фотографироваться в спецовке.

Все еще силясь понять, что происходит, Бросов нащупал в нагрудном кармане свои документы: его пропуск был на месте.

– Это какая-то подделка, розыгрыш, – едва слышно сказал Иван Петрович. – У нас на заводе нет больше Бросовых, понимаете?

– Понимаем, – кивнул следователь, – но ведь как-то все это объясняется... Он называет себя вашим именем, домашний адрес также называет ваш, у него есть соответствующий пропуск и ключи, странным образом подошедшие к вашему замку. Кроме того... – полицейский слегка замялся, но тут же продолжил. – Кроме того, эта его внешность... В общем, он как-то, безусловно, связан с вами!

– Что?! – Бросов неожиданно для себя от состояния какой-то растерянности мгновенно перешел в несвойственное ему возбуждение. – Какое отношение он может иметь ко мне и моей семье? Мы видели его в первый и, надеемся, в последний раз! Я...

– Хорошо-хорошо! – продолжал успокаивать его следователь. – Мы постараемся вас не беспокоить – до окончательного выяснения всех обстоятельств этого дела.

***

Дома Иван Петрович о своем походе в полицию не стал распространяться. «Нужно забыть об этом дурацком происшествии. В конце концов мало ли что бывает...» – снова уговаривал он себя, но мысли не подчинялись ему, то и дело возвращаясь к случившемуся два дня назад.

Ночью он мучился бессонницей, а когда под утро наконец забылся, ему приснилось хмурое испитое лицо другого Бросова.

Глава 3. В больнице

На четвертый день после происшествия Иван Петрович почувствовал в себе необыкновенную трезвость.

Несколько раз прокрутив в голове все, что с ним приключилось за последнее время, он решил, что у него точно была «белочка» и что единственное спасение – это возвращение домой.

– Мы держим вас здесь потому, что есть заявление: вы пытались ограбить квартиру. Есть улики и свидетели, дело передано в суд, – сказал ему следователь при очередной встрече.

Бросов только разводил руками и говорил о том, что никакой квартиры он не грабил.

– Моя она, понимаете, товарищ следователь? Я там живу вместе с женой и дочкой – да спросите кого угодно!

– Если это так, то почему же жена и дочь до сих пор не пришли за вами? – ехидно спрашивал полицейский. – Неувязочка какая-то...

Спустя еще некоторое время было решено обратиться в местную психиатрическую больницу, поскольку личность Бросова так и не была установлена.

– На почве алкоголизма бывает и не такое! – заверили полицейских врачи, и те с облегчением передали им на поруки своего «невменяемого подопечного».

В больничном стационаре Петрович вел себя в первое время очень тихо, слегка подавленный случившимся. Однако спустя еще три дня бросовское сердце нестерпимо заныло по дому.

– Сбегу! Вот увидите – сбегу! – думал он, с ненавистью поглядывая на двух широкоплечих санитаров, выполнявших роль церберов на третьем этаже, где располагалась палата новоиспеченного пациента.

Вместе с ним в палате пребывали еще пятеро больных. Самому старшему было уже за пятьдесят, он слыл за буйного, но это на него находило лишь временами – в основном, по осени. Привыкшие к этой его особенности врачи помещали «Толеньку» (он сам называл себя так) на это время в «комнату с улучшенным содержанием», то есть в изолятор. Толенька был настоящим старожилом 327-й палаты и большим знатоком больничных традиций и распорядков. К Бросову он относился сначала с большим недоверием, но, заметив его тихость и молчаливость, стал чаще подсаживаться к нему на кровать, чтобы побеседовать о том о сем.

– Вот я скажу вам так, Иван Петрович: нам ни в коем случае нельзя идти на поводу у Запада. Вы слышали про вступление в ВТО? Это черт знает что такое: почему мы всегда им что-то должны, а они нам – только советуют? Советчики фиговы! – разговоры про Запад были любимой ритуальной формулой Толеньки, с которой он начинал все разговоры с Бросовым. Заканчивались их беседы также почти всегда одинаково: старожил 327-й вдруг утрачивал всякий интерес к Петровичу и уходил, оборвав фразу ровно посередине.

Поначалу все мысли Бросова были сосредоточены только на побеге. Однажды он даже совершил попытку уйти, воспользовавшись открытой дверью в коридоре, который, как он знал, вел на лестницу. Оттуда до выхода из основного здания больницы – рукой подать. Однако попытка сорвалась: его заметила одна из медсестер, поднявшая крик, и Бросов был пойман с поличным. За это он был на два дня помещен в изолятор, и следить за ним, естественно, стали строже.

Шло время, и Иван Петрович начал понемногу привыкать к своему новому положению. Со всеми пятерыми соседями по палате ему удалось найти общий язык, но более всего Бросов разговаривал с Толенькой. Из одной такой беседы и вышло знакомство, резко изменившее все направление мыслей Петровича.

После очередной преамбулы про западные санкции против России Иван Петрович прервал своего словоохотливого товарища по несчастью и неожиданно для самого себя выложил ему всю странную историю своей «белой горячки».

– Вот, Толь, ей-богу не вру: почти потрезвяни ведь пришел, чё там мы выпили – кот заплакал! – Бросов сглотнул слюну, вспомнив как давно он уже не чувствовал обжигающе-приятное тепло алкоголя. – И ведь дом мой, и подъезд мой, и квартира моя, а там вместо меня – этот хрен, чтоб его! И Ладка, дочка, в кружевной сорочке, можешь представить? А Варька – худая, блин, и красивая! В общем, допился до такого, что... Эх!..

Петрович махнул рукой и замолчал. На глаза невольно навернулись слезы, и в носу защипало. Бросов ожидал, что, когда он снова взглянет на Толеньку, того и след простынет. Однако на этот раз вышло по-другому: старожил 327-й приосанился и внимательно посмотрел прямо в глаза своему новому другу.

– Вот что я вам скажу, Иван Петрович! – произнес Толенька таким покровительственным тоном, что Бросов почувствовал себя, как на очередном приеме у главного психиатра их больницы. – Вам нужно поговорить с профессором! Срочно-срочно!

– Каким таким профессором? – забеспокоился Петрович.

– Да из соседней палаты. Мужик – мировой! Он ведь тоже вроде вашего, – я с ним как-то беседовал годик назад, наверное. Он не из разговорчивых, но очень толковый. Пришел, говорит, в университет свой – а там я, ну, то есть другой он – лекции ведет. Представляете? Самого себя, говорит, увидел! Ну, конечно, скандал страшный... – Толенька вдруг поднялся и, подойдя к своей кровати, бухнулся в нее, словно в бассейн. Бросов знал, что теперь с ним бесполезно разговаривать до самого вечера – все равно не ответит.

На следующий день, как назло, у единственного друга Петровича случилось обострение, и он надолго уединился в комнате с улучшенным содержанием. Бросов несколько дней размышлял над словами Толеньки, не зная, стоит ли вообще доверять ему. Затем он попытался навести справки насчет профессора.

– Да это «очкан», который обедать садиться всегда возле окна! – сообщил ему приятель Толеньки – молчаливый татарин Кирилл, чья кровать стояла ближе всех к зарешеченному окну их палаты. По слухам, Кирилл пытался покончить с собой уже около двадцати раз.

Петрович сразу сообразил, о ком идет речь, и решил познакомиться с профессором чего бы ему это ни стоило.

Глава 4. Профессор

Вызвать на откровенность «очкана» оказалось совсем не просто. В первый раз Петрович не удостоился даже ответа со стороны профессора. Тот просто смерил Бросова высокомерным взглядом и полный собственного достоинства удалился в свою палату.

Они могли видаться только в столовой или во время редких прогулок, поскольку заходить (и даже заглядывать) в чужие палаты пациентам строго воспрещалось – под страхом изолятора и побоев, которые, как то прекрасно было известно Петровичу, случались в их лечебнице регулярно.

Пробить стену высокомерия удалось лишь после четвертой попытки: Бросов подсел к профессору со своим подносом и, пока тот молча жевал, без всяких предисловий рассказал ему печальную историю своей «белой горячки».

– Я знаю, мне Толенька рассказал, что вы тоже – ну, как это сказать?.. Тоже увидели себя самого. Так ведь? – Петрович с замиранием сердца ждал ответа.

Профессор смерил его взглядом, затем медленно склонился к нему и прошептал:

– Здесь нельзя говорить. Приду к вам сам после вечерних процедур!

Оказалось, что по неведомым причинам профессору разрешалось то, что не было позволено остальным пациентам. К примеру, он мог ходить по коридору после ужина и даже заглядывать в соседние палаты – без привычных последствий в форме грозных окриков санитаров.

– Долгов Юрий Анатольевич! – гость протянул Петровичу два холодных пальца в виде приветствия. Он уселся на край кровати Бросова и изучающе посмотрел на него.

– Судя по лицу, вы – алкоголик, – безапелляционно и глядя куда-то поверх головы Петровича произнес профессор. – Это дает мне надежду на то, что потраченное на вас время не уйдет впустую. Ведь, как вы сами сказали, причина вашего помещения в это заведение – всего лишь «белая горячка»?

– Да я в тот день и не пил почти совсем! – сказал Бросов и почувствовал себя несколько неуютно из-за высокомерного тона его нового знакомого. Впрочем, желание поговорить с кем-нибудь, кроме Толеньки, было намного сильнее, чем временный дискомфорт от профессорской манеры вести беседу.

– По крайней мере, вы сможете хотя бы понять, что я говорю – в отличие от многих, кто здесь присутствует... – Долгов обвел глазами палату с видом энтомолога, оглядывающего малолюбопытную коллекцию бабочек. – Вообще, меня очень заинтересовало то, о чем вы рассказали во время обеда. Я размышлял над этим и пришел к выводу, что наши случаи действительно в чем-то схожи. Вот попробуйте сопоставить сами: два года назад... Или нет, постойте – уже три. Да, три года назад, как и всегда по средам, я поехал в свой университет. К тому моменту я преподавал там уже почти двадцать лет. Кстати, свою докторскую я защитил, когда мне было тридцать один: я, между прочим, самый молодой доктор наук за всю историю университета!

Профессор внимательно посмотрел на Бросова и, по всей видимости, не найдя в нем необходимого отклика на свои слова, вздохнул и продолжил:

– Так вот, представьте себе: захожу я на свою кафедру в самом благодушном расположении духа, здороваюсь со всеми и замечаю, что на меня как-то косо посматривают. Я, знаете ли, чувствителен к подобного рода взглядам и, не скрываю, всегда был человеком обидчивым. Ну, да ладно. Снял пальто, хочу достать свою вешалку из шкафа, на которую всегда вешаю только я. Понимаете, у нас на кафедре так заведено: у каждого своя вешалка.

А тут – занято! Я, естественно, досадую, спрашиваю у лаборантки: «Кто это, мол, пальто повесил на мою вешалку?». А она, дура старая, давно бы пора ее уволить, лупит на меня глаза и молчит.

Я бросаю свое пальто на кресло и, расстроенный, иду в сторону аудитории, где должна состояться лекция. По пути попадается пара коллег с соседней кафедры, я с ними здороваюсь и в ответ – только подумайте – снова эти косые и удивленные взгляды! Совсем раздосадованный, вхожу в аудиторию и вижу перед затихшими студентами стоящего преподавателя, – Долгов, взволнованный воспоминаниями, привстал и снова уселся поудобнее на кровати, прислонившись спиной к светло-зеленой стене палаты.

– Сначала я подумал, что ошибся номером аудитории, – продолжил он, закрыв глаза и сморщившись, словно от зубной боли. – Я уже намеревался выйти, как вдруг... Он повернулся в мою сторону, и... я увидел его лицо. Этот проклятый самозванец! Наглый ублюдок! – Долгов в волнении вскочил с постели Бросова и начал прохаживаться по палате. Остальные пациенты затихли, боясь пошевелиться. Тут профессор заметил пустую кровать Толеньки и прямо с тапочками улегся на нее. Прошло минут пять в тягостной тишине. В палате давно потушили свет, и расстроенное лицо Долгова освещалось теперь только уличным фонарем.

Наконец, Иван Петрович осторожно поднялся и подсел к профессору.

– Вы тоже увидели самозванца? Как и я? – сказал Бросов для того, чтобы продолжить разговор.

– Да, – ответил Долгов. – Он читал лекцию моим студентам! От моего имени, понимаете? На меня что-то нашло тогда, я до сих об этом жалею. Не будь этого, может, я и не попал сюда. Но нервы, нервы – все от них. Я бросился на него с кулаками, и студенты – о, позор! – студенты принялись разнимать нас. Впрочем, он вел себя очень спокойно. Я это уже потом понял – наверное, в этом была его тактика. Из-за того, что нападал и кричал именно я и не мог никак успокоиться, именно из-за этого – взяли меня, а не его. А он, подлец, занял мое место, мою кафедру и мою квартиру! И он сейчас живет с моей женой, которая, вот что меня более всего поражает и убивает, ни разу не пришла сюда, чтобы узнать, как я! Жив ли я? Здоров ли? – профессор закрыл глаза и разрыдался, как ребенок. Затем он вскочил с кровати и выбежал из палаты.

Бросов медленно встал и прикрыл за ним дверь. Уже через полминуты извне раздался щелчок: санитар, который наблюдал за происходящим в коридоре (и наверняка подслушивал!), запер на ночь их палату.

Глава 5. Параллельные пересекаются

В следующий раз им удалось поговорить уже после того, как вернулся Толенька. Вероятно, санитар, дежуривший в тот вечер, когда профессор рассказал о своей встрече с самозванцем, сообщил подробности их беседы начальству. В результате Долгову запретили вечерние прогулки, а в столовой медперсонал старался рассаживать пациентов так, чтобы Бросов не мог подсесть к профессору.

Впрочем, им удавалось перекинуться несколькими фразами во время прогулок. Кроме того, уже через две недели эти строгости были почему-то смягчены.

– Профессор сегодня вечером обещал прийти к нам! – сообщил однажды Толенька Бросову, радостно потирая руки. К тому времени наступила зима, и прогулки, которые и без того были весьма редкими, отменили даже для тех больных, кому они разрешались.

Пока Иван Петрович ждал прихода профессора, Толенька – как всегда неожиданно – рассказал некоторые любопытные подробности о Долгове.

– Его ведь тоже, как и меня, частенько в изолятор помещают. Он молчит-молчит, а потом на него найдет – и давай костерить всех подряд: санитаров и врачей называет «ничтожествами», лекарства им швыряет в лицо. Ну, те его, понятно, – в изолятор. Но быстро его выпускают: говорят, Юрию Анатольевичу кто-то из начальства покровительствует. Женщина какая-то.

Минут за 15 до того, как пришел Долгов, на Толеньку нашло очередное стремление к одиночеству, и он, бухнувшись в постель, не проронил больше ни слова.

– Я вот что думаю, Иван Петрович... – взволнованно и почти без прежнего высокомерия произнес профессор, едва только вошел в палату к Бросову. Толенька лежал, уткнувшись в подушку; остальные пациенты, которые побаивались присоединиться к нарушителям вечернего режима, тихо пребывали на своих местах – как и во время их предыдущей встречи.

– У меня сложилась гипотеза, которая может немного прояснить то положение, в котором мы с вами оказались. Однако для того, чтобы эта гипотеза оформилась в нечто большее, мне нужны от вас некоторые сведения относительно вашего случая! – Юрий Анатольевич вопросительно посмотрел на Бросова поверх очков. Иван Петрович осторожно кивнул в ответ.

– Вот смотрите: и я, и вы спокойно жили своей жизнью – со своими семьями, работой, – в общем, так скажем, с вполне определенным местом в бытии, – до какого-то одного момента. Нам нужно поточнее выяснить те обстоятельства, при которых вдруг вместо нас... Ну, вы понимаете меня?

Петрович еще раз кивнул, хотя не мог толком понять, что имел в виду Долгов.

– Ага! – обрадовался профессор. – Для начала давайте выясним, что именно вы делали в тот день, когда все это случилось!

– Ну, я же уж рассказывал: мы выпили с друзьями...

– Да это я помню! – мгновенно переходя от радостного возбуждения к раздражению, сказал Долгов. – Тут подробности нужны, детали, понимаете?

– Ну, была пятница... Поработали там, как обычно. Потом Васильич говорит: «Сегодня матч...»

– Да подождите вы со своим матчем! – профессор заметался по палате, как вьюга в подворотне. – На работе-то вы что делали? Или даже так: начните с утра пятницы. Вот вы проснулись...

– Проснулся, – тупо согласился Бросов.

– Ну, а дальше – как собирались на работу, расскажите же, ради Бога! У меня сейчас срыв очередной будет из-за вас.

– Ага! – согласился Петрович, с опаской поглядывая на ходившего из стороны в сторону профессора. – Ну, вот проснулся я, значит. Голова еще у меня болела.

– Так-так... – ободряюще произнес Долгов.

– Это после вчерашнего. Мы накануне немного после работы приняли – там на остановке, где мы обычно собираемся. Ну, а чё – скучно с работы домой на сухую идти. Ну, вот – голова болит. Встал, в ванну пошел. Вот. А в ванной обычное это мыло лежит – ну, мыло как мыло.

– Да причем тут мыло?

– Да, подожди, профессор, раз уж рассказывать – так рассказывать! – возразил Бросов и после в подробностях минут 15 живописал Долгову историю своих злоключений.

– Так, получается, что когда вы вернулись... Можно на «ты»? Хорошо. Значит, когда ты вернулся: и мыло не то, и обои не те, и жена с дочкой другие?

– Да всё другое! Ну, не всё, конечно. Вот как во сне: вроде и то самое, а вот не то. Чуешь, что будто другое всё!

– Как во сне... – задумчиво произнес Долгов. – Ну, ладно. А теперь я тебе про свое расскажу: ведь и у меня то же самое. Ведь не сразу меня в психушку-то упрятали. Я и в квартире своей, – ну, уже получается не в своей, – был. И жену видел. Но тогда я был вне себя, в ярости какой-то, мне аж глаза застило: я только одно видел и об одном думал: «Какой-то мошенник, воспользовавшись внешним сходством со мной, присвоил мою жизнь себе!». А сейчас вот ты говоришь, и я вспоминаю: ведь действительно всё было и вроде мое, и вроде как не мое... Боже! – профессор закрыл глаза ладонями. – Я будто слепой был. Ослеп от своей какой-то...

– Гордыни... – подсказал голос Толеньки откуда-то из погрузившейся в ночную темноту палаты.

Профессор вздрогнул, как от удара током, и привстал. Затем он снова сел на край кровать Бросова.

– Ну, да, – согласился он наконец. – От гордости, наверное, или от обиды – как ослеп. А ведь и на кафедре даже – ведь я тогда уже заметил, а значения должного не придавал, – и на кафедре все было как-то немного по-другому. Картины, цветы... Жена – она тоже так странно и с таким... недоумением смотрела на меня, когда я кричал, чтобы тот, другой, убирался из моей квартиры. А потом приехала полиция, и она даже не подошла ко мне, а наоборот – держалась все возле того, самозванца. И ведь он даже не крикнул ни разу на меня! Подлец... Даже голоса не возвысил...

Они помолчали. Затем – все так же молча – Долгов вышел из палаты, и через некоторое время в темноте, подсвеченной уличным фонарем, раздался привычный щелчок дверного замка.

Глава 6. Побег

Долгов приходил еще несколько раз до того, как они решили организовать побег.

– К идее о побеге нас подводит логика всех наших рассуждений! – словно оправдываясь перед кем-то третьим, говорил профессор. – Понятно, что все должно быть подготовлено самым тщательным образом – и не только сам побег, но и то, что мы будем делать после него.

Детали побега они начали обсуждать уже весной, когда снова возобновились прогулки. Во время редких вечерних встреч говорить о побеге было опасно: санитар наверняка «грел уши» возле двери палаты, поскольку вечерние визиты профессора происходили под неусыпным контролем персонала больницы.

«Объясняющая всё» гипотеза Долгова, как ее смог понять Бросов, состояла в следующем: профессор уверял, что существуют некие параллельные вселенные, которые иногда могут пересекаться.

– Ну, вот геометрию же ты в школе учил, Бросов? Вот есть линии параллельные, слышал? – спрашивал Долгов, как всегда волнуясь и как всегда высокомерно.

– Да я в университет даже поступать пытался! – обижался Иван Петрович. – Думаешь, деталь сделать проще, чем лекцию прочитать?

– Ну, ладно-ладно! – умиротворяюще отвечал Долгов. – Ну, так вот: если мы чертим эти линии, ориентируясь только на наше пространство, нашу трех или четырехмерную вселенную, то они, конечно, не пересекутся. Но вот если этих размерностей больше... Короче, Бросов, мы с тобой по какой-то причине оказались не в своей вселенной! Понимаешь? Нас что-то вытеснило из нашего мира и поместило сюда!

Толенька, который изредка тоже присоединялся к их беседам, услышав про параллельные вселенные, как-то сказал:

– Да это ясное дело: вертело вас, вертело, вот как меня иногда вертит, когда я лежу и смотрю долго во-он туда, на потолок. А потом вас выкинуло, потому что вы не удержались, сломали в себе держалку-то!

Долгов обычно нетерпеливо отмахивался от фраз Толеньки, отмахнулся бы и в этом случае, если бы Бросов не сказал:

– А и вправду, Юрий Анатольевич, ведь почему именно нас выкинуло? Всех, блин, не вытеснило, а нас – вдруг вытеснило. К этим самозванцам! Почему?

– Да почему только нас? – Долгов нетерпеливо прошелся по палате. – Может, таких, как мы, много – да только как о них узнаешь-то? Вот мы с тобой закончили психушкой. Может, и остальные так же? Да и как тут еще поступить, если вдруг на одно место в жизни начинают претендовать двое? Другого-то куда деть прикажете?..

Бежать решили в июне – когда наступит тепло.

– Самое глупое будет, если мы сразу же попытаемся прийти к себе домой – ну, то есть к этим самозванцам. Именно там-то нас и будут поджидать в первую очередь. Нужно придумать такое место, где нас не будут искать. А чтобы добраться до такого места, необходимы хоть какие-нибудь

деньги! – шептал Долгов своему другу во время прогулок по больничному двору.

Проблему с деньгами взял на себя Толенька. Скрывать от него свою идею заговорщики не могли, а помощь он действительно мог оказать, так как знал больницу лучше, чем некоторые врачи.

– Мне бы сын мог привезти немного рубликов! – говорил старожил 327-й палаты, у которого, как оказалось, есть сын.

– Это хорошо! – одобрял Долгов. – Нам бы только добраться до одного места – если, конечно, самозванец ничего не испортил, у меня должна быть там заначка. Но я теперь ни в чем не уверен... Вдруг это только в той вселенной, а не в этой?

– В любом случае надо попробовать! – отвечал на это Бросов и бледнел при одной мысли о широкоплечих санитарях. Долговскую гипотезу про какие-то там вселенные он, кстати, не очень поддерживал и про себя считал, что все эти заморочки больше напоминают «чушь собачью» – по любимому выражению Володьки, его давнего друга, военного пенсионера.

Он предпочитал думать о самозванцах как о людях, хитрым образом их подставивших. «Надули нас с профессором, вот и вся недолга! Вот выберусь из этой психушки, сил наберусь – и верну себе свою жизнь. Будет тогда им всем геометрия! И параллельные кривые!» – думал Бросов и про себя уже почти праздновал победу.

***

Сначала исчез Толенька. Из палаты его перевели ранним утром, почти еще ночью. Как это случилось, видел только татарин Кирилл, но из его до крайности скупого описания понять было что-нибудь сложно.

– Пришли и ушли. Вот! – повторял он одно и то же на все расспросы Ивана Петровича. Через некоторое время Долгов откуда-то узнал, что Толеньку перевели в другое здание больницы.

А затем исчез сам профессор. Первоначально Бросов был уверен, что причина этого – в очередном конфликте Юрия Анатольевича с санитарями, но прошла неделя, затем другая, а профессор всё не появлялся. Иван Петрович попытался узнать, когда Долгова выпустят из изолятора, но выяснилось, что в изоляторе в настоящий момент никого нет, а куда делся профессор – неизвестно.

– Он выбыл из нашего отделения! – это единственное, чего смог добиться Бросов от врачей. Иван Петрович чувствовал, что отчаяние медленно начинает преобладать над всеми остальными его чувствами, помыслами и настроениями.

***

Помощь пришла от того человека, на кого он никогда бы не стал рассчитывать. Однажды утром уже в конце лета к ним в палату вошла медсестра и вдруг, всплеснув руками, закричала. На крик прибежали несколько санитаров и дежурный врач. Вскочивший с кровати Иван

Петрович увидел, что на том месте, где обычно лежал Кирилл, находилось нечто несуразное, с перекошенным и синим лицом.

– Удавился! – сделал вывод чей-то голос, и сразу, как по сигналу, во всем отделении началась страшная суета. Всех больных зачем-то выставили из 327-й палаты. В их отделении объявились какие-то незнакомые врачи, которых никто никогда не видел. Двери отделения, всегда запертые и находившиеся под неусыпным контролем санитаров, оказались распахнутыми.

Бросов размышлял недолго и действовал, как во сне: он заглянул в комнату санитаров, находившуюся возле двери. Увидев, что там никого нет, он быстро схватил белый халат и взял со стола упаковку медицинских масок. Затем он натянул на себя брюки, найденные на спинке стула, засунул ноги в чьи-то кроссовки, которые были заботливо задвинуты под кровать, и выскользнул из отделения. Одев на ходу халат, Бросов набросил петли маски за уши и уверенным шагом двинулся к выходу. Суета была и на первом этаже. Он замешкался только у парадного входа, так как вынужден был пропустить двух медсестер.

Через 10 минут Иван Петрович шагал в сторону автобусной остановки. Маску и халат он выкинул еще на территории больницы; найти же дырку в заборе, испокон веку окружавшем лечебное учреждение, труда не составило.

Глава 7. Держалка

В брюках, которые, по всей вероятности, принадлежали одному из санитаров, он нашел немного мелочи. Этих денег вполне хватило на маршрутку, так что через час Бросов уже шел по родному микрорайону.

Чувствуя, как сердце стучит где-то в висках, Иван Петрович подошел к забегаловке, в которой ему была знакома каждая щель в полу.

«Почти полгода, – думал он с томлением во всем теле, – ведь почти полгода ни капли не пил... Зайти – а вдруг в долг нальют?!».

Бросов встал на повороте к кафе, как витязь на распутье.

«Я приду, а от меня пахнуть будет. А он, сволочь эта самозванская, будет трезвый и умный! И куда мне опять? В психушку? Нет, домой пойду!» – решил Иван Петрович и почти бегом бросился бежать в сторону своей пятиэтажки – так, словно за ним гнались все городские санитары.

Едва переставляя слабеющие ноги, он заставил себя подняться на третий этаж. Ключей у него не было, все его нехитрое имущество осталось в больнице, а может быть, и в полиции. Тяжело дыша, он прислонился лбом к двери и долго стоял так, не смея пошевелиться. Затем робко постучался...

– Опять нажрался? – спросила его жена, и он испытал такое полное, такое несравнимое ни с чем счастье, что разрыдался прямо на пороге.

– Да ты что, Ваня? – говорила она испуганно, пока он целовал ей лицо, руки, пуговицы от халата – везде, где смог достать. Не почувствовав привычного запаха перегара, она испугалась еще больше и поскорей захлопнула за ним входную дверь.

***

На каком именно факультете работает Долгов, ему подсказали в отделе кадров. В городе было всего два университета, так что искать пришлось недолго. Зайдя на кафедру, он узнал, что профессор сейчас на лекции – нужно подождать еще минут двадцать.

Бросов узнал номер аудитории и стал дожидаться Юрия Анатольевича, стоя у двери. После того, как поток студентов схлынул, он наконец-то увидел спину преподавателя. Долгов собирал какие-то бумаги со стола, а затем взглянул на дверь.

Они долго смотрели друг на друга, а потом профессор, как мальчишка, бросился к нему на шею.

– А я думал, что не было этого ничего, что сон это всё! – задыхаясь, говорил Долгов. Бросов глупо улыбался в ответ, кивал головой и разводил руками.

– Я ведь узнавал, был в этой проклятой больнице. Представь себе – хватило-таки духу. Так вот: отродясь там не было ни Толеньки, ни Кирилла. А вот врачей я некоторых узнал и 327-ю палату тоже видел! - рассказывал ему Долгов, когда они сидели за чашкой чая в студенческой столовой.

– Я теперь не пью совсем, Юрий Анатольевич. Почти... – смущенно сказал ему в конце их разговора Бросов. – Боюсь пить. До ужаса боюсь. Вот эту «держалку», про которую, помнишь, Толенька говорил – вот ее опасуюсь... потерять.

Долгов понимающе кивал и блаженно щурился, глядя сквозь окно на блестящий снег, лежавший во дворе университета. Накануне вечером он как раз беседовал про нечто подобное со своей женой: она говорила ему, что он стал гораздо мягче.

– А куда деваться? – шутил он в ответ на ее слова. – В наше время мягкое и гибкое остается, а твердое и жесткое выкидывается прочь.